

сейчас делает 14-ю, в то время, как за всю предшествующую карьеру в искусстве снял только 6 полнометражных и 12 короткометражных лент.

Два прежних фильма Мануэла ди Оливейры — «Весеннее действо» и «Бенилде, или Непорочная мать» — можно было впервые увидеть на португальской ретроспективе в Музее кино в ноябре. А еще раньше на телеканале ТНТ вдруг показали (правда, поздно вечером) замечательную картину «Путешествие к началу мира», созданную этим режиссером в возрасте 88 лет. И выяснилось, что престарелый постановщик кажется куда оригинальнее, авангарднее, смелее по своему творческому мышлению, нежели его более молодые коллеги, которым больше бы пристало экспериментировать и искать новые средства кинематографической выразительности.

Ранее да и сейчас доводится слышать от критиков (не говоря уже о зрителях, которые в Музее кино встречали неле-

неумелых исполнителей и заурядных обывателей от своего полунищего быта к экзистенциальным, бытийным основам жизни всего человечества. Фальшивая мелодраматизация библейских текстов устами простой деревенщины, конечно, мало похожа на трагически возвышенные и небесно прекрасные «Страсти по Матфею» Баха. Но, как и у того же Пазолини в «Аккаттоне» (в переводе с диалекта — «Нищий»), где музыка Баха придает новое измерение миру римских люмпенов, столь наивное и не осененное культурой сознание обитателей дна жизни или людей земли порой парадоксально, на интуитивном уровне и с искренней верой способно глубже постичь суть Нового Завета, нежели разум больших интеллектуалов, подходящих ко всему по-книжному.

Лента «Бенилде, или Святая Дева» (1974) внешне напоминает какую-нибудь классицистскую пьесу с единством места, времени и действия, разыгранную прямо перед нами всего семью актерами, которые одеты, пожалуй, как в 70-е годы, а все могло происходить, согласно предваряющему титру, в 30-е. Возможно, тут тоже можно обнаружить прием своеобразной инсценировки действительности, заявленный в начальном проезде вдоль декораций, отграниченный в финале благодаря отъезду камеры, но прежде всего подчеркнутый в игре актеров, будто смешивающих манеру исполнения в «мыльных операх» с торжественной декламацией вычурных текстов в исторических спектаклях.

Религиозный мотив «непорочного зачатия», случившегося у юной и экзальтированной особы, изычно повенчан с мелодраматическим выяснением отношений между несостоявшимся женихом и невестой, ее свекровью и отцом, а священник, врач и домоправительница ведут осторожные, с намеками и околичностями, витиеватые разговоры о возможности явления в мир новой Святой Девы. И если Оливейра все-таки рассчитывал на какой-либо комический эффект от поведенного, то, несомненно, можно говорить только об интеллектуальной иронии, когда следует восхищаться тонким искусством теологического или философского парадокса, но отнюдь не гоготать над двусмысленностью ситуации, в которой оказалась восемнадцатилетняя Бенилде, вообще не знавшая мужчин в библейском смысле этого слова.

И здесь надо бы сказать о том, что Мануэл ди Оливейра — классик не только потому, что разменял сотый десяток, испытал вдохновение на склоне лет подобно Тициану, и даже не потому, что предпочитает иметь дело с давними культурными традициями литературы и искусства. Классичность мышления португальского режиссера проявляется в том, что и в сугубо модернистских, авангардных произведениях, и в проникнутых постмодернистской иронией, он так или иначе всегда извлекается от сиюминутного, банального, приземленного восприятия мира, восходя к его истокам, обращаясь к основам и первопричинам, прорываясь к вечному и непостижимому. В этом смысле все его творчество — это настоящее «путешествие к началу мира», даже если оно совершается в воображении или пересказано на условном языке аллегорий.

Последняя фраза в фильме «Бенилде, или Святая Дева» звучит примерно так: «Они являются к нам, словно неведомые посланцы, но хорошо, что это еще случается». Хотелось бы адресовать это высказывание и самому автору, который будто послан из далеких пределов и так долго задержался на этом свете, чтобы мы все же постарались его услышать, узреть и понять.

Сергей КУДРЯВЦЕВ

Meu caso — случай Оливейры

пым смехом отдельные сцены из оливейровских произведений), что этот португальский режиссер невыносимо скучен, насквозь театрален и литературен. Хотя, допустим, «Путешествие к началу мира» приятно поражает, можно сказать, онтологической кинематографичностью, представляя собой европейский вариант goad-movie, пусть это все равно покажется занудным для любителей погонь, драк и перестрелок на экране. А при запоздалом знакомстве с ранними лентами «Весеннее действо» и «Бенилде, или Непорочная мать» (я бы все же предпочел перевод «Бенилде, или Святая Дева») можно убедиться, что Оливейра обладает вкусом к скрытому художническому лукавству, задолго предвосхитившему появление постмодернистской иронии. Слишком буквальное восприятие его экранных опусов с точки зрения соответствия реальности рискует полностью дезориентировать зрителей, не находящихся культурного кода для постижения намеренно условного мира.

Что с того, что «Весеннее действо» (1963) снято на натуре, в настоящей португальской деревне, с участием непрофессиональных актеров, разыгрывающих каждую весну как будто некую средневековую мистерию о «страстях Христовых»?! Возможный неореалистический пафос улетучивается в тот момент, когда простая сельская девушка, отправившаяся к колодезю за водой, не позволяет напиться... Иисусу Христу, вернее, тому крестьянину, который уже успел облачиться в соответствующие одеяния. Сакральное действо начинается без всякого перехода, мгновенно и не так демонстративно остраиваясь, как это будет позднее использовано Норманом Джуисоном в экранизации «Иисуса Христа-суперзвезды». Можно было бы сопоставить фильм Мануэла ди Оливейры и с параллельными поисками Пьера Паоло Пазолини, иногда яростно отталкивавшегося от неореализма, например, в новелле «Овечий сыр», словно трагикомическом, постмодернистском приквеле его же «Евангелия от Матфея». Или же следует искать переклички с картиной Анджее Вайды «Пилат и другие» — Фильм на Страстную пятницу, где история с Голгофой подчас видится будто телевизионной хроникой с места событий, несмотря на условную лаконичность происходящего.

И все же главное, что удивляет в работе португальского режиссера, которую легко принять за эстетизируемую сельскую самодеятельность, в лучшем случае — за образец народного примитивизма, это непостижимый прорыв

НЕ ПРОПУЩЕННОЕ МИМО

Экран и сцена - 1999 - дек. (1949-50) - 97

21

декабря исполнился 91 год португальскому режиссеру Мануэлу ди Оливейре. Конечно, он не самый старый из живущих кинопостанов-

щиков — например, на год старше его великий француз Робер Брессон. Но Оливейра — творец, достойный включения в книгу рекордов Гиннеса, поскольку продолжает работать и, более того, снимать чуть ли не каждый год по фильму. Во всяком случае, за последние 15 лет он поставил 13 картин,

353